

Ф. М. ШАБУЛЬДО (Киев)

К ВОПРОСУ О ПРИГЛАШЕНИИ КИПРИАНА НА ПРАВАХ
ОБЩЕРУССКОГО МИТРОПОЛИТА В МОСКВУ В КАНУН
КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Со времен Н. М. Карамзина приезд Киприана в Москву в сане митрополита „Киевского и всея Руси” рассматривается в научной литературе как один из важных и непосредственных результатов разгрома орд Мамая на Куликовом поле и датируется маем 1381 г. В настоящей статье предлагается иная датировка этого события на основе пересмотра некоторых устоявшихся взглядов на общественно-политическую деятельность Киприана в предкуликовскую эпоху и анализа оставленных им письменных свидетельств. Обоснование новой даты стало возможным благодаря определенным результатам творческих усилий целого ряда исследователей средневековой Руси, а также вопросов идеологии и политической эволюции поздневизантийского общества, влияние имперского курса его правящих верхов на политическое и культурное развитие русских земель в XIV в.

Болгарин по рождению, афонский монах по воспитанию и образованию, Киприан наиболее деятельную и плодотворную часть жизни отдал Руси, где он прожил почти тридцать лет (с небольшими перерывами с 1376 по 1406 г., год его смерти). В карьере Киприана отразились во всей своей сложности и противоречиях многие процессы церковно-политической жизни Восточной Европы в период с 70-х годов XIV в. до начала XV в.¹ Во времена золотоордынского господства на Руси он стал первым митрополитом без санкции ханской власти и прекратил освящение иноземного ига церковью. Как глава русской церкви Киприан располагал поддержкой высших слоев духовенства и значительной части светских феодалов как в Литовской, так и в Московской Руси. Эту поддержку он использовал не только против соперников, отстаивая свои права на общерусскую митрополию, но и главным образом в целях сохранения организационного единства церкви, усиления ее идеологического влияния и независимости от великокняжеской власти на Руси, что естественно немыслимо без достижения политического единства разобщенных русских земель и свержения ненавистного ордынского ига. В силу этих

обстоятельств Киприан стал на Руси одним из главных идеологов и организаторов претворения в жизнь общерусской программы политической консолидации бывших древнерусских земель, вошедших в XIV в. большей частью в состав соперничавших между собой Великого княжества Литовского и Московского великого княжества, и активизации организованной борьбы против господства Золотой Орды. Именно в этой роли Киприан оказал весьма заметное влияние на ход важнейших политических процессов в Восточной Европе второй половины XIV в., на развитие литературы и публицистики на Руси.

По своему религиозному мировоззрению и политическим убеждениям Киприан был исихастом, причем очень близким к высшим эшелонам духовной и светской власти Византийской империи, находившихся с середины XIV в. под контролем монахов-исихастов. Идейное родство Киприана с исихастами Византии и Болгарии, откуда происходил его род Цамблаков, нашло вполне четкое отражение в таких принадлежащих его перу публицистических произведениях как Житие митрополита Петра и Похвальное слово этому митрополиту, Повесть о Митяе, Прощальная грамота, а также в некоторых переведенных им на славянский язык церковнослужебных текстах в редакции патриарха Филофея. Оно подтверждается также всей общественно-политической деятельностью Киприана на Руси в качестве ее митрополита, свидетельствуя, что он до конца своих дней сохранил верность основным политическим принципам имперского универсализма, положенным в основу исихастской политической программы, наиболее яркими представителями которой в государственно-идеологической сфере Византии были император и затем монах Иоанн (Иоасаф) Кантакузин и патриарх Филофей Коккин.² Эта программа официально осуществлялась властями Константинополя до августа 1376 г., года — второго и окончательного низложения патриарха Филофея.

В специальной литературе с достаточным основанием уже указывалось, что Иоанн Кантакузин и поддерживавшие его церковники-исихасты, в отличие от противостоящих им светских интеллектуалов, группировавшихся при дворе Иоанна V Палеолога, видели спасение Византии от османского нашествия не в военной помощи католического Запада, за которую пришлось бы платить согласием на церковную унию, то есть признанием верховенства папства и компромиссом в вере, а в объединении сил православного мира для сохранения духовного наследия византийской цивилизации и, не в последнюю очередь, с целью последующего их использования против агрессии Османской империи. Понятно, что в обстановке агонии Византии, продолжавшейся все последнее столетие ее существования, и господства паламитского исихазма в официальной идеологии, ведущая роль в осуществлении имперской внешнеполитической программы отводилась константинопольскому патриарху и его дипломатии.

В середине 70-х годов XIV в. патриарху Филофею удалось добиться,

возможно при посредничестве Киприана, согласия с церквями Сербии и Болгарии³. Более сложным оказалось уладить церковные дела на Руси, где под влиянием политических процессов усилились сепаратистские тенденции и в церковной организации. 2 декабря 1375 г. по настоятельному требованию Ольгерда и князей подвластной ему Руси Киприан был рукоположен в Константинополе в митрополита „киевского, русского и литовского” с тем однако условием, чтобы после смерти престарелого митрополита Алексея, пребывавшего в Москве, он... „получил всю Русь и был одним митрополитом всея Руси”⁴. Со стороны патриархата, таким образом, поставление Киприана на Киев было вынужденной и временной уступкой и рассматривалось как тактический маневр, имевший своей целью восстановление в недалеком будущем единства митрополии на Руси. Можно предположить, что стратегической целью акции было укрепление влияния патриархата в этой столь отдаленной от Константинополя епархии при помощи главы русской церкви, единомышленника и ставленника Филофея.

Само появление Киприана на Руси совпало по времени с ослаблением контроля ханской власти над ней вследствие поразившего Орду в конце 50-х годов XIV в. затяжного внутривнутриполитического кризиса, предвестника ее последующего упадка. На Руси активизировались объединительные процессы и усилилась вооруженная борьба против ордынского ига. Как убедительно показал Г. М. Прохоров, уже в первый свой приезд на Русь в 1373 г. Киприан сыграл важную посредническую роль в консолидации антиордынских сил, способствуя примирению между Москвой и Тверью в январе 1374 г. и, по-видимому, своей причастностью (если не прямой, то косвенной) к съезду феодальной знати в Переяславле Залесском в ноябре того же года, который принял программу совместных антиордынских действий⁵. Обще княжеский съезд в Переяславле знаменовал важную веху в политической истории не только Северо-Восточной Руси, но также княжеств Юго-Западной и Западной Руси, пребывавших в составе Великого княжества Литовского. Отражая ход последующих событий, исторические источники указывают на причастность феодальных кругов этих княжеств, в первую очередь Полоцкого, Чернигово-Северского и Киевского, к объединительной и антиордынской политике Москвы, начиная именно с середины 70-х годов XIV в.

Однако, дипломатическая миссия Киприана 1373-1374 гг. не увенчалась полным успехом. Тверь вскоре снова перешла в стан недругов Москвы и понадобился общерусский поход 1375 г., чтобы тверской князь признал себя вассалом Дмитрия Московского⁶. Литва, хотя и не шла на открытый разрыв с Москвой после мира 1372 г., но стремилась оторвать от нее союзников в Смоленском княжестве и княжествах Западной и Юго-Западной Руси⁷. Зато Мамаева орда, обосновавшись в Волго-Днепровском междуречье и в Крыму, добилась признания ее верховной власти над Северо-Восточной Русью и выплаты дани с земель Юго-Западной Руси, а в 1377 г. прибегла к военному нажиму на союзные

Москве Нижегородское и Рязанское княжества⁸. Разгром ордынцев в битве на реке Волге (1378 г.) заставил Мамая приостановить наступление и начать подготовку к нанесению удара по Москве всеми имеющимися в его распоряжении силами.

Правящие верхи Московского великого княжества сознавали неизбежность решающей схватки с Мамаевой ордой и готовились к ней, но, как представляется, одновременно должны были решать следующие задачи: во первых, сплотить возглавленную Москвой конфедерацию княжеств, во вторых, обезопасить эти княжества со стороны Литвы. Первую из них предполагалось решить ставшим уже традиционным способом, учредив отдельную подвластную великому князю московскому митрополию и используя силу идеологического влияния церкви. Решение второй задачи ставилось в прямую связь с военным захватом важных в стратегическом отношении юго-восточных окраин Великого княжества Литовского, точнее Среднего Поднепровья.

Среднее Поднепровье второй половины 1370-х годов — это прежде всего Киевское и Чернигово-Северское княжества. Их территория непосредственно примыкала к предполагаемому району военных действий против ордынцев и могла стать местом встречи войск, заключивших между собой антимосковский военно-политический союз Литвы с Ордой⁹. Отсюда понятно то особое значение, которое приобретала накануне решающей схватки с Мамаевой ордой политическая ориентация правителей этих княжеств — Владимира Ольгердовича, княжившего в Киеве с 1362 г., и Дмитрия Ольгердовича, с середины 1370-х годов князя в Чернигове, Стародубе и Трубчевске. Став киевским митрополитом, Киприан, как это видно из его послания от 23 июня 1378 г.¹⁰, развернул пропаганду в пользу великого князя московского, что не препятствовало ему весьма тесно сотрудничать с местным князем Владимиром Ольгердовичем.

Такова была политическая ситуация, когда 12 февраля 1378 г. умер митрополит Алексей, и Киприан предпринял решительную попытку реализовать свои права на общерусскую митрополию и тем самым реализовать замысел патриарха Филофея. К тому времени он уже утратил поддержку в Константинополе и мог рассчитывать главным образом на сторонников среди монастырского монашества исихастского толка, составлявших верхушку церковной иерархии Северо-Восточной Руси и служивших важной социальной опорой власти московских Даниловичей. Такие видные представители как игумен Троицкого монастыря Сергий Радонежский, его племянник Феодор, игумен Симоновского монастыря, и Афанасий Высоцкий были единомышленниками и корреспондентами Киприана и вместе с тем весьма влиятельными при великокняжеском дворе¹¹. Именно эти московские „старцы” совместно с епископом суздальским и нижегородским Дионисием оказали упорное сопротивление попытке великого князя Дмитрия Ивановича сделать преемником митрополита Алексея коломенского попа Митяя (Михаила). Но расчет

Киприана на их содействие не оправдался, и его попытка обосноваться в Москве на правах общерусского митрополита вопреки великокняжеской воле потерпела крах: он был перехвачен княжеским воеводой и с бесчестием выдворен из Москвы¹². Тем не менее ставленник Филофея на киевской митрополии не отступился от своей цели и продолжал искать пути к ее достижению.

Осенью 1378 г. Киприан обращается за помощью к своим влиятельным единомышленникам в Болгарии и Константинополе. По свидетельству Григория Цамблака, очевидца события, в Тырнове, где уже три года находился в сане болгарского патриарха старший друг и сподвижник Киприана на церковно-политической и литературной ниве Евфимий, киевскому митрополиту была уготована торжественная встреча. В столице же Византии он застал „неустройство в царех и в патриаршестве“. Оно было вызвано дворцовым переворотом 1376 г., в ходе которого император Иоанн V был низложен и водворен в темницу, а его трон занял сын Андроник. Вместо низложенного, заточенного в монастырь, где он и умер год спустя, Филофея патриархом стал гонитель исихастов ставленник Андроника Макарий¹³. В конце июня — начале июля 1379 г. Киприан стал свидетелем, если не соучастником, ретронизации Иоанна V и замены на патриаршем престоле Макария Нилом, не столь непримиримого к последователям Филофея. Его имя с титулом „митрополит всея Руси“ значится среди других подписавших синодальный акт о низложении Макария¹⁴, о чем он сам свидетельствует в принадлежащем его перу Житии митрополита Петра.

В июне 1379 г., заручившись предварительно согласием патриарха Макария, отправился за утверждением в высоком сане и Митяй. Его посольство достигло Константинополя в последних числах сентября¹⁵, но уже вблизи цели путешествия Митяй внезапно умер. Свита Митяя избрала из своей среды нового кандидата в митрополиты — Пимена. По всей вероятности, уже в октябре 1379 г. император Иоанн V и патриарх Нил, по словам Киприана, „тогда только принявший церковное кормило“, приступили к разбирательству тяжбы между Киприаном и Пименом. В июне 1380 г. патриарший собор постановил оставить Киприана „митрополитом только Малой Руси и Литвы“, а Пимена — рукоположить в митрополита Великой Руси, наименовав его и киевским, по древнему обычаю той митрополии¹⁶.

Еще до принятия собором этого решения Киприан, увидев свое дело проигранным, покинул Константинополь и вернулся в Киев. Время его возвращения на Русь весьма важно для определения дат последующих событий и причастности к ним киевского митрополита. Обычно в научной литературе подразумевается, что это имело место весной или летом 1380 г. и Киприан покинул Константинополь незадолго до утверждения собором акта о поставлении Пимена, дата выдачи которого являлась до сих пор исходной точкой хронологических расчетов рассматриваемого события¹⁷. При этом не учитывались свидетельства самого Киприана,

содержащиеся в его посланиях к единомышленникам на Руси и в Житии митрополита Петра. В частности, в послании, написанном в Киеве 18 октября 1378 г., он сообщает своим приверженцам, что по-прежнему намерен ехать в Константинополь и уже выслал гонцов („А яз без измены еду ко Царюгороду, а пред собою вести послал же есмь”)¹⁸. Думается, что именно дату этого послания следует считать близкой к дате выезда Киприана из Киева в Константинополь. В таком случае, если предположить, что поездка заняла не более полутора месяца¹⁹, то киевский митрополит должен был прибыть в Константинополь в первых числах декабря 1378 г.

Во второй редакции Жития митрополита Петра Киприан сообщил следующие подробности о своей поездке в Константинополь и пребывании в нем: 1) относительную дату отъезда из Киева /”Но к Руской земли прошедшу ми... И третьему лету наставшу, паки к Царюграду устремихся”/; 2) продолжительность пребывания в столице Византии /”Пребых же убо в оное время в Константинограде тринадесят месяц”/; 3) причину задержки с возвращением на Русь /”Ни бо ми мощно бяше изыти, велику неустроению и нужи надлежащи тогда на Царьствующий град. Море убо латиною дръжимое, земля же и суша обладаема безбожными турки”/²⁰. В сане митрополита Киприан прибыл в Киев 9 июня 1376 г. Следовательно, сообщаемая им относительная дата отъезда в Константинополь указывает на 1378 г. Согласно второму оставленному им хронологическому реперу, он выехал из Константинополя спустя год после прибытия, в один и тот же месяц, то есть в начале декабря 1379 г.

В настоящее время, когда стали известны некоторые подробности о тайных движущих силах дворцового переворота 1376 г. и контрпереворота 1379 г.²¹, содержащиеся в Житии митрополита Петра указания на обстоятельства, задержавшие киевского митрополита в Константинополе, не кажутся столь непреодолимыми. Вопреки утверждению Киприана, у него были веские причины покинуть византийскую столицу столь же поспешно, как и прибыть в нее годом ранее. В том же синодальном акте 1380 г. о поставлении Пимена отмечается, что Киприан „по-видимому, не ожидая для себя никакой пользы, если в его присутствии будет разбираться вопрос, что должно сделать по просьбе послов из Великой Руси? — тайно убежал, ни с кем не простившись”²². Столь экстравагантный поступок одного из претендентов на сан митрополита всея Руси можно объяснить не только мрачной перспективой, представшей перед ним в ходе обострившегося соперничества, но и изменившейся ситуацией при дворе московского великого князя, где именно осенью 1379 г. вошли в силу те церковные круги, которые находились под влиянием Сергия Радонежского и ставшего тогда же духовником Дмитрия Московского и игумена Федора Симеоновского, сторонников Киприана и его курса на открытую конфронтацию с Ордой²³. Изменилась также внешнеполитическая ситуация, которая все более определялась углублявшимся внутривосточным кризисом в Великом княжестве Литовском²⁴ и

назревавшим военным столкновением с Ордой Мамаю.

В этой обстановке стал возможным возврат к политическому сотрудничеству на антиордынской и общерусской основе московской феодальной знати с влиятельными княжеско-боярскими кругами зависимых от литовского политического центра Киевского и Чернигово-Северского княжеств, начало которому положил съезд 1374 г. в Переяславле Залесском. Правдоподобно, как и ранее, инициатива исходила от Киприана, снова предложившего в конце 1379 г. свою кандидатуру в качестве общерусского митрополита и на этот раз получившего согласие Дмитрия Московского. Не исключено, что достигнутое соглашение сказалось на результате похода московских полков в Среднее Поднепровье под началом князей Владимира Серпуховского, Андрея Полоцкого и воеводы Боброка Волынского, происходившего из литовского рода владетелей Подольской земли Кориатовичей. Начавшись в первых числах декабря 1379 г. от южных рубежей Брянщины в направлении Киева, поход имел своим следствием присоединение к Москве и ее коалиции Чернигово-Северского и Киевского княжеств, правители которых, подобно Андрею Полоцкому, перешли на службу к великому князю московскому и взяли с ним „ряд“²⁵. Так московским великокняжеским правительством были решены обе внешнеполитические задачи, вставшие перед ним на решающий стадий борьбы против Мамаевой орды.

Лишь после этого из Москвы отправилось посольство в Киев с приглашением Киприана занять пустующее место митрополита киевского и всея Руси. В летописях Северо-Восточной Руси сообщения о посольстве содержат датирующую его информацию, но она в разных летописях подана с неодинаковой полнотой, а иногда и противоречива. Все записи такого рода группируются следующим образом: 1) записи, лишенные каких-либо прямых датирующих признаков²⁶; 2) записи, датирующие отправку посольства из Москвы подвижным церковным праздником („великим заговеньем“)²⁷; 3) записи, датирующие посольство зимой того года, летом которого Пимен „поставлен бысть в митрополиты“²⁸; 4) записи в составе рубрик, обозначенных определенным годом²⁹.

Если первая из указанных групп ставит посольство в прямую связь с получением в Москве известий о смерти Митяя и поставлении Пимена, то вторая обозначает день и месяц отъезда послов. Для 1380 г. ими будут 5 февраля, а для 1381 — 24 февраля. Третья группа записей помещена составителями летописей в конце Повести о Донском побоище или же Сказание о Мамаевом побоище (после сообщения о прибытии на Русь послов от нового хана Тохтамыша). Тем не менее их определенно следует датировать 1380 г. Наибольшую ценность имеют записи четвертой группы. Они, как правило, вносились в текст дважды: в составе Повести о Митяе и в повествованиях о Куликовской битве. Так, в Московском летописном своде конца XV в. под 1377 г. сообщается, что князь Дмитрий Иванович „...посла на Кыев по Киприана митрополита Федора игумена

Симановского отца своего духовного. И поиде с Москвы на великое заговенье по Киприана митрополита, зовущи его на Москву"³⁰. Обозначающий в данном случае всю рубрику 1377 г., конечно, неприемлем. Но в этом же своде имеется еще одна такая же запись под 1380 г., и она представляется верной. Близки по содержанию к этим записям известия Патриаршей или Никоновской летописи, также в составе рубрик, обозначенных 1377 и 1380 годами.

Примечательно, что в отличие от других летописей в Никоновском своде сделана особая запись о приезде Киприана из Киева в Москву: „И прииде Киприан из Киева на Москву в четверток 6 недѣле по Пасцѣ, еже с самымъ праздникъ Възнесения в лѣто 6888"³¹. То есть, составитель свода определенно датирует приезд Киприана в Москву 3 мая 1380 г. Следует отметить, что в этом своде хронологическая последовательность событий, имеющих отношение к Киприану, за исключением записи под 1377 г., нигде не нарушена. Только в Никоновском своде Киприан изображен в „Сказании о Мамаевом побоище" как лицо, принимавшее непосредственное участие в подготовке похода общерусского войска на Дон.

Наоборот, в текстах, восходящих к летописному своду 1409 г.³², приезд Киприана в Москву на правах общерусского митрополита датируется 1381 г., но явно заметно, что содержание рассматриваемой записи подвергалось редакционной правке.

Итак, анализ летописных источников показывает, что, вопреки историографической традиции, выезд посольства из Москвы в Киев с приглашением Киприану стать митрополитом киевским и всея Руси с резиденцией в Москве имел место не 24 февраля 1381 г., а 5 февраля 1380 г.; соответственно приезд Киприана в Москву следует датировать не 1381 г., а 3 мая 1380 г.

Что касается различий в показаниях летописных источников, то это обстоятельство объясняется так: в созданном Киприаном в начале 1380-х годов Житии митрополита Петра все автобиографические сведения намеренно были лишены каких-либо точных, абсолютных ориентиров. В отдельных эпизодах этого произведения прослеживается намерение автора опорочить решение патриаршего собора, оформленное актом от июня 1380 г.³³ По наблюдению Г. М. Прохорова, в другом произведении тех же лет, Повести о Митяе, Киприан переделал начало повествования, „сбив последовательность эпизодов, отчасти их повторив, добавив свои объяснения, формулы, намеки и этими средствами создал свою „завязку"³⁴. Исследователь подчеркивает, что если в Житии митрополита Петра Киприан „объяснял по сути дела князю, какими должны были быть его отношения с властью духовною", то в Повести о Митяе он „предостерегает князя от готового состояться решения сменить митрополита"³⁵. На объем и характер информации летописных сводов о деятельности Киприана в 70-е годы XIV в. повлияло, с одной стороны, то обстоятельство, что, став митрополитом киевским и всея Руси, он выступил как идеолог и организатор общерусского летописания, а с

другой — тот факт, что его появление в Москве 3 мая 1380 г. состоялось без санкции высших церковных властей Константинополя, а после июня 1380 г. и вопреки их решению. Отсюда желание Киприана оправдать свои действия, придать им видимость правомерности. Это же явилось главной причиной фрагментарности и завуалированности сведений о нем в его сочинениях начала 1380-х годов, вошедших в состав создаваемых в то время и позднее летописных текстов.

Более точная информация о Киприане содержится в текстах, созданных в 90-х годах XIV в., после того как восстановленный решением собора 1389 г. в правах митрополита киевского и всея Руси он снова, и на этот раз окончательно, обосновался в Москве. Основные принципы политической идеологии исихастов, исповедываемые Киприаном и его приверженцами, на какое-то время восторжествовали в официальной церковной идеологии³⁶. Они нашли свое отражение в ряде памятников исторической литературы общерусского плана, созданных на рубеже XIV-XV в. лично Киприаном, при его участии либо под его руководством, в том числе и в подготовленном в 1390-х годах первоначальном варианте „Сказания о Мамаевом побоище”³⁷. Обладая реальной церковно-политической властью как в пределах Московской, так и Литовской Руси, он мог позволить себе назвать в этом произведении точные даты посольства великого князя московского Дмитрия Ивановича и своего появления в Москве на правах общерусского митрополита. Таким образом, в 90-годах XIV в. в летописании была восстановлена соответствовавшая исторической действительности хронология событий, связанных с Киприаном, и признавалось его участие в организации похода общерусского войска на Дон для разгрома полчищ Мамаю, предпринявшего падение золотоордынского господства на Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жизни, деятельности и мировоззренческим взглядам митрополита Киприана посвящена обширная литература. Ее наиболее полный перечень см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). — Ч. I, Л., 1988, 473—474. Из важнейших исследований о Киприане следует назвать: А р х и м а н д р и т Л е о н и д (Кавелин). Киприан до восшествия на Московскую митрополию. — Чтения в Обществе истории и древности российских при Московском университете, 1867, кн. 2, отд. I, 11—32; Ταχιάος Α.-Α.) 'Ο μητροπολίτης 'Ρωσίας Κυπριανός Τσαμπλάκ. — 'Επιστημονική 'Ελευθερία Θεολογική Σχολή, т. 6 Θεσσαλονίκη, 1961, 163—241; Л. А. Д м и т р и е в. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы: (К истории русско-болгарских литературных связей XIV—XV вв. — Труды Отдела древнерусской литературы /далее ТОДРЛ/. М., Л., 1963, т. 19, 215—254; его же. Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции велико-тырновской школы. — Ученики и последователи на Евтимий Тырновски: Втори международен симпозиум. Велико Тырново. 20—30 май 1976. София, 1980, 64—70; И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, 113—127, 133—139,

318—349 и др.; D. O b o l e n s k i. A Philorhomaïos anthropos: Mitropolitan Cyprian of Kiev and all Russian (1375—1406). — Dumbarton Oaks' Papers, number 32 Papers. Washington, 1976, 79—98; Г. М. П р о х о р о в. Киприан. — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. I, 464—473; его же. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. — Л., 1978, 16—30 и многие др.; Н. Дончева - Панайотова. Киприан, старобългарски и староруски книжовник. София, 1981; J. M e y e n d o r f f. Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantini-Russian Relations in the Fourteenth Century. Cambridge University Press, 1981, p. 200—260; Н. С. Б о р и с о в. Социально-политическое содержание литературной деятельности митрополита Киприана. — Вестник МГУ, 1975, № 6, с. 58—72.

² Из обширнейшей литературы об исихазме укажем лишь новейшие исследования, в которых даны как общее определение, так и характеристика его основных составных частей: Г. Д. Т о д о р о в. Българската историография през XI—XIV в. — Исторически преглед, 1967, 3, с. 74—95; Г. М. П р о х о р о в. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIII: Литературные связи древних славян. Л., 1968, с. 86—108; И. Ф. М е й е н д о р ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIX, с. 291—305; J. M e y e n d o r f f. Op. cit. p. 96—113. О принципах имперского универсализма в политике Византии и роли церкви в ее реализации см.: П. Л. С о к о л о в. Русский архиепiscop из Византии и право его назначения до начала XV века., Киев, 1913; J. M e y e n d o r f f. Byzantium and the Rise of Russia..., 11—14, 85—90.

³ А р х и м а н д р и т Л е о н и д (Кавелин). Указ. соч., с. 26; J. M e y e n d o r f f. Alexis and Roman: A Study in Byzantino-Russian Relation (1352—1354). — Byzantinoslavica, 28 (1967), p. 287; idem. Byzantium and Rise of Russia, p. 181; D. O b o l e n s k i. Op. cit. p. 83; К. И в а н о в а. Патриарх Евтимий. София, 1982, с. 37, 80.

⁴ Памятники древнерусского канонического права. — Русская историческая библиотека. СПб., 1908, Прил. № 33, стб. 204; Г. М. П р о х о р о в. Повесть о Митяе, с. 44—48.

⁵ Г. М. П р о х о р о в. Повесть о Митяе, с. 16—30. В. А. Кучкин уточнил мнение Г. М. Прохорова, показав, что съезд созывался дважды (см.: В. А. К у ч к и н. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. — Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980, с. 98—99).

⁶ Рогожский летописец. — Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Пг., 1922, т. 15, вып. I, стб. 108—110.

⁷ Рогожский летописец, стб. 109, 112—113; В. А. К у ч к и н. Указ. соч., с. 103.

⁸ Рогожский летописец, стб. 114—120; В. Л. Е г о р о в. Золотая Орда перед Куликовской битвой. — Куликовская битва, с. 194—204; В. А. К у ч к и н. Указ. соч., с. 105—106.

⁹ См.: Ф. М. Ш а б у л ь д о. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987, с. 83—84, 88—89, 116, 130—131.

¹⁰ Памятники древнерусского канонического права, № 20, стб. № 182—183, 186.

¹¹ Н. С. Б о р и с о в. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986, с. 87—88, 90—96.

¹² Подробнее об этом см.: Г. М. П р о х о р о в. Повесть о Митяе, с. 40—101; И. Б.

Греков. Указ. соч., с. 113—127; J. Meyendorff. *Byzantium and the Rise of Russia*, p. 206—221.

^{13 14} K. H e a d. *Imperial Twilight: The Palaiologos Dynasti and the Decline of Byzantium*. Chicago, 1977, p.91—92] J. W. B a r k e r. Manuel II Palaeologus.(1391—1425): A study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, N.J., p. 28—33; J. M e y e n d o r f f. *Byzantium and the Rise of Russia*, p. 207—208.

¹⁵ Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе, с. 88.

¹⁶ Памятники древнерусского канонического права. Прилож. № 30, стб. 180.

¹⁷ См., например: J. M e y e n d o r f f. *Byzantium and the Rise of Russia*, p. 212, not. 38, где приведены аргументы в пользу традиционной точки зрения на этот вопрос. Главный аргумент Дж. Мейендорфа — это наличие имени Пимена среди подписавших акт о низложении патриарха Макария, на котором значится и подпись Киприана. Причем Пимен титулуется себя митрополитом киевским и Великой Руси, т.е. в полном соответствии с актом о его поставлении, датированном июнем 1380 г. (См.: *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, ed. Fr. Miklosich et J. Muller, t. 2, Vienna, 1862, p. 6, 8.)

Поскольку в последнем акте сообщается, что Киприан оставил Константинополь до соборного постановления, Дж. Мейендорф делает вывод, что Киприан прибыл в Константинополь в апреле-мае 1379 г., а сессия собора, отъезд Киприана и поставление Пимена произошли почти одновременно, в течение нескольких дней июня 1380 г. Исследователь не учел особенности первого документа: он состоит из двух частей и подписи митрополитов-соперников значатся в разных частях. Более того, подпись Киприана с титулом митрополита всея Руси стоит в первой части, что исключает возможность ее датировки июнем 1380 г. По этой, видимо, причине первые издатели документа датировали его двойной датой: сентябрем 1379 — июнем 1380 г., на что Дж. Мейендорф также не обратил внимания. Следовательно, его аргументация в данном случае неубедительная.

¹⁸ Цитирую по кн.: Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе, Прилож. I, с. 202.

¹⁹ Путешествие митрополита Пимена в 1389 г. из Москвы в Константинополь (вниз по Дону и от Каффы морским путем) длилось с 13 апреля по 29 июня, т.е. два с половиной месяца (М. Н. Тихомиров. *Исторические связи России со славянскими странами и с Византией*. М., 1969, с.15). Киприан в 1378 г. воспользовался более коротким сухопутным путем в Константинополь из Киева через г. Аккерман (совр. Белгород-Днестровский) и далее по территории Молдавии и Болгарии. О своем маршруте и способе передвижения он дает такую информацию: „Буди ти сведомо, сыну: еду к Царюгороду коньми на Волошьскую землю” (Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе. Прилож. I, с. 204). Поэтому предполагаем, что весь путь от Киева до Константинополя, даже с непредвиденными задержками и остановкой в Тырнове, о чем сообщает в своем Похвальном слове Григорий Цамблак, Киприан преодолел в течение не более полутора месяца.

²⁰ Цитирую по кн.: Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе, Прилож. II, с. 215.

²¹ K. H e a d. *Op. cit.*, p.92—95; J. W. B a r k e r. *Op. cit.*, p. 27—35.

²² Памятники древнерусского канонического права, Прилож. № 30, стб. 176.

²³ Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе, с. 103, 104, 107.

²⁴ И. Б. Греков. Указ. соч., с.99; Б. Н. Флоря. Литва и Русь перед битвой на

Куликовом поле. — Куликовская битва, с. 156—158; Ф. М. Ш а б у л ь д о. Указ. соч., с. 122—124.

²⁵ Рогожский летописец, стб. 138; Ф. М. Ш а б у л ь д о. Указ. соч., с. 117—118.

²⁶ Летописный свод 1497 г. — ПСРЛ, т. 28, М., Л., 1963, с. 81; Сокращенные летописные своды конца XV в. — ПСРЛ, т. 27, М., Л., 1963, с. 251; Владимирский летописец. — ПСРЛ, т. 30, М., 1965, с. 127.

²⁷ Симеоновская летопись. — ПСРЛ, т. 18, СПб. 1913, с. 125; Типографская летопись. — ПСРЛ, т. 24, Пг., 1921, с. 141.

²⁸ Типографская летопись, с. 149.

²⁹ Троицкая летопись, реконструкция М. Д. Приселкова, под ред. К. Н. Сербиной. М., Л., 1950, с. 421; Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — ПСРЛ, т. 8, СПб., 1859, с. 42; Рогожский летописец, стб. 131, 141—142; Московский летописный свод конца XV в. — ПСРЛ, т. 25, М., Л., 1949, с. 199, 206; Патриаршая или Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. II, М., 1965, с. 41, 49.

³⁰ Московский летописный свод конца XV в., с. 199.

³¹ Патриаршая или Никоновская летопись, с. 41.

³² Троицкая летопись, с. 421; Рогожский летописец, стб. 142; Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. — ПСРЛ, т. 15, СПб., 1863, с. 441; Симеоновская летопись, с. 131; Летописный свод 1497 г., с. 83; Владимирский летописец, с. 128; Типографская летопись, с. 149.

³³ Л. А. Д м и т р и е в. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы, с. 252.

³⁴ Г. М. П р о х о р о в. Повесть о Митяе, с. 166.

³⁵ Г. М. П р о х о р о в. Повесть о Митяе, с. 163.

³⁶ Там же, с. 112; Г. М. П р о х о р о в. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987, с. 121.

³⁷ И. Б. Г р е к о в. О первоначальном варианте „Сказания о Мамаевом побоище”. — Советское славяноведение, /6/ 1970, с. 27—36; его же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 384—401.